Лидия
ЧАРСКАЯ

Повести
и рассказы

Лидия Алексеевна Чарская

Солнце встанет!

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=636055
Лидия Чарская. Повести и рассказы:

Аннотация

Три версты! Три версты только отделяют их фабрику от того земного рая, где поселился этот ангел. И он не знал этого, когда вместе с отцом-миллионщиком приезжал покупать эту фабрику полгода тому назад у её прежнего владельца. И он не знал, он, Сила Строганов, что его ангел, о котором он робко мечтал, ютится тут, около, почти рядом…

Содержание

I 4
II 6
III 12
IV 17
V 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Лидия Алексеевна Чарская
Солнце встанет!

I

Трясясь и подпрыгивая, тарантас катился по пыльной дороге. Возница безнадежно унылым голосом ободрял лошадей, лениво тащившихся, благодаря нестерпимо удушливому июльскому полдню. Сидевший в тарантасе плотный и широкоплечий человек с лицом, наполовину скрытым огромной соломенной шляпой, с нетерпением поглядывал по сторонам.

– Скоро ли доедем, братец? – срывалось с его губ полный томительного нетерпения возглас.

Возница только плечами поводил вместо ответа да взмахивал кнутом больше для острастки, и снова принимался понукать лошадок тем уныло-скорбным тоном, который присущ русскому мужику. Проехав версты две с небольшим таким образом, он вдруг самым неожиданным образом повернулся на козлах и проговорил:

– А у Строгановых на фабрике, слышь ты, неспокойно… Ноне наши красовские сказывали, што спичешники рядились управителя побить… И слышь ты управитель-то в Питер посылал к хозяину. Хозяин сынка своего рядил прислать.

– Когда ж он приедет? – заинтересовался седок.

– А кто его знает! Не ноне – завтра, красовские говорят, будет сюды. Только, слышь ты, зря приедет-то. Уж больно руки у робят чешутся на управителя-то. Живодер он, вот што… Собака он, как есть, нехристь… собака, – неожиданно ожесточился ямщик и даже сплюнул в сторону.

– А ваших красовских на спичечном работает много? – снова поинтересовался седок.

– Много наших… Хлебушко всем жевать, слышь ты, надоть. И наши есть, и колотовские, что подле Нескучного, с низины, и рябовские тож…

– Как? Как ты сказал?.. Нескучное? – вдруг разом встрепенулся седок и даже в волнении сдвинул шляпу на затылок.

Теперь его можно было разглядеть вполне. На плечах этого настоящего по виду русского богатыря покоилась крупная голова с необычайно добродушным круглым румяным лицом, заканчивающимся курчавой бородкой, с целой копной густых русых кудрей и с таким детски-прекрасным светлым взглядом голубых глаз, которым могут только обладать цельные, чистые, недюжинные натуры.

Теперь эти глаза с пытливой тревогой подняли на лицо возницы.

– Нескучное, говоришь ты? Нескучное? – ронял он каким-то странным, дрожащим голосом. – Что же это Нескучное? Имение чье-нибудь?

– Хутор… енерала одного помершего… хутор. Богатый был енерал… важнющий. Только давно помер… А сама-то за другого, слышь ты, вышла. Тому годов с пяток будет. Раньше-то живала на хуторе сама-то, по вдовству своему, значит, после енераловой смерти-то, а апосля долгое время тамотка и людей не видать было, а ноне…

– Живет там кто-нибудь? – вырвалось каким-то новым нетерпеливым звуком из груди приезжего, и, если бы возница был чуточку посмышленее, он почуял бы, что волнение охватило его седока.

Но возница не обладал тонким чутьем и не к чему ему было заниматься настроением приезжего. С тем же унылым видом он прикрикнул на пристяжную, дернул возжею и уже, совсем обернувшись лицом к седоку, проговорил:

– Ноне там-то, в Нескучном, то есть, енеральская дочка, барышня, с теткой ейной живут… Уж, почитай, два года… Хорошая барышня… Ее и красовские, и колотовские, и рябовские все знают. Золото, а не барышня. Лучше фелшара али даже дохтура тебе всякого от разной, слышь ты, болезни вылечит… И ребят тоже, слышь ты, учит, и в больнице она, и на фабрике, и где тебе хошь… повсюду. И целый-то день в работе. Где силушки берет только… Сама-то хлябоватая такая, в чем душа держится, а в труде взрослому мужику не уступит… Ноне фелшар Гараське Вихрову руку резал; сказывал, огневица у Гараськи приключиться могла, так фелшар убег, сдержать, слышь ты, не мог Гараськи-то, а она, барышня-то наша, ему рученьку свою на плечо положила да и говорит: «Смотри на меня, Гараська, легче будет!». И впрямь легче. Дал руку себе по локоть отхватить и не пикнул даже. Вот она, барышня-то, у нас какая! – с заметной гордостью заключил свою речь мужик.

Седок с жадностью ловил каждое слово возницы. Неопределенная улыбка блуждала по его румяным губам. «Она! Она это! И никто больше! Она! Лика! Ангел Божий! Сокровище мое!» – выстукивали его сердце, мысль, все фибры его существа. Нет другой такой девушки на свет, нет другого такого ангела на земле. Он узнает ее из тысячи, из миллиона, из целого миллиарда девушек узнает он ее, потому что она единственная, и другой подобной ей нет.

И как странно складывается его судьба? Та, которая запретила ему искать ее, та, которая ушла от него и от общества, и от целого мира в глубокие дебри России, та снова случайно попадается на его пути! Он не искал её, нет, нет… Он не смел ослушаться её приказания, он слишком уважал ее для этого. Виноват ли он, что сама судьба сводит их снова?..

И голубые глаза богатыря-атлета лучисто сияли, а плотная широкоплечая фигура часто вздрагивала под макинтошем, накинутым на его сильные плечи.

– Слушай-ка, дядя, – неожиданно обратился он к вознице, – а от Красовки к Нескучному большой крюк дать надо в сторону? А?

– От Красовки к Нескучному три версты будет только, – ответил возница. – А тебе на што?

Три версты! Три версты только отделяют их фабрику от того земного рая, где поселился этот ангел. И он не знал этого, когда вместе с отцом-миллионщиком приезжал покупать эту фабрику полгода тому назад у её прежнего владельца. И он не знал, он, Сила Строганов, что его ангел, о котором он робко мечтал, ютится тут, около, почти рядом!.

Внезапный прилив могучего, острого, почти нестерпимого желания увидеть любимую девушку хотя бы издали, услышать её голос, этот чудесный в душу вкрадывающийся её голос, так властно заполонил все существо молодого человека, что он уже не мог противиться ему.

– Правь на Нескучное, братец! – неожиданно произнес он дрогнувшим от волнения голосом.

– Што ж так? Аль знакомые будете? – разом оживился возница. – Хорошая барышня, на редкость! – добавил он и, помолчав минуту, вдруг, словно воспрянув духом, изо всей силы ударил возжей по спине коренной и гаркнул: – эй, вы вывози, пустобрюхие! – и он молодецки выпрямился на своем сиденье.

«Как ее любят! Боже мой, как любят! – продолжало все петь в душе Строганова. – Простой ямщик, жалкий мужичонка, и тот радуется, что увидит свою благодетельницу». И он, Сила Строганов, увидит ее. Что он ей скажет, чем сумеет оправдать свое ослушание наложенного на него запрета видеть ее? Он ничего не знает… Он знает только одно, что белый ангел, именуемый Ликой, здесь близко и что он увидит его, да, увидит его! Скоро… сейчас…

II

На террасе небольшого одноэтажного чисто оштукатуренного, с яркой зеленой крышей, окруженного огромным садом, тенистым и запущенным с трех сторон, а с четвертой стороны прилегающим к степи, сидела пожилая дама с сильною проседью в черных волосах, с черными усиками над тонкими, энергично сжатыми губами, маленькая, юркая, подвижная. Она держала в руках газету, которую быстро пробегала рассеянным взглядом. Её губы насмешливо поджимались и глаза поминутно презрительно щурились на черные точки печатных строк.

– Аграрные беспорядки… – шептала она чуть слышно, не отрывая взора от газеты. – «Сто человек крестьян из деревни Сидоровки, собравшись за околицей, нестройной толпой двинулись к дороге, к имению князя Бубенцова. Управляющий встретил толпу на полудороге, уговаривая разойтись, но, в ответ его благому предложению, были пущены камни из толпы. Управляющий не преминул благоразумно скрыться. Толпа проследовала до самого хутора, разграбила и уничтожила все богатое имущество князя, не пощадила старинного саксонского сервиза, прорвала и обезобразила картины старинного византийского письма, до которых князь был большой охотник, и, опустошив роскошные комнаты княжеского дома, ушла назад. В имение были вызваны казаки»…

Маленькая женщина с энергичными губами, вооруженными усиками, презрительно отшвырнула газету.

– Вот она, матушка, святая Русь! – произнесла она, брезгливо поджимая губы и морщась, словно от боли. – И «эти» хотят добиться желаемого!.. Почему европейский крестьянин не сжег бы и не ограбил бы? Потому что он сыт. В своем маленьком уголке он сыт. У него есть кусок сыра и бутылка кислого бордо, у него есть и умная, рассудительная башка на плечах. Он знает, что уничтожением и бойней он не достигнет ничего. А этот бедный темный народ думает… Нет, прежде чем дать ему хлеба, надо вскормить его мозг, надо вскормить его душу принципами гуманности и уважения к себе самому и своему праву. Да, надо научить его суметь признавать это право не в силу громящего разбойничьего инстинкта, а в силу доблестного сознания того, что он – сила великая, сила необходимая для огромного мирового атома, который зовется Россия; что вместе с караваем хлеба ему необходимо принять в себя дозу европейской цивилизации, иначе оп заглохнет и одеревенеет и будет слепо следовать за своими вожаками, которые поведут его ради собственного влечения и наживы на темные и грязные дела. Ах, как слаба еще Россия, как много еще надо ей чтобы достигнуть общеевропейского роста, чтобы заглушить те стопы нищеты и нужды, которые то и дело слышатся во всех углах и закоулках!

Маленькая женщина на минуту задумалась. По её лицу промелькнула недоверчивая улыбка.

– И Лика думает пересоздать их, думает осветить тьму и пополнить ее солнечными лучами, – проговорила она чуть слышно. – Но, ведь, таких, как Лика, были тысячи и они гибли в борьбе. Господь да сохранит мою девочку, но задача непосильна её слабому, хрупкому существу. Натуры более сильные складывали оружие и преклонялись пред неизбежным, а моя Лика…

Маленькая женщина смолкла на мгновение и долго смотрела на небо. Потом её взор упал на дорогу, прихотливо извивавшуюся серой змеей между двумя рядами золотистой реки. Легкое облачко, стлавшееся по меже, привлекло внимание маленькой женщины.

«Кто-то едет, – мысленно произнесла она, прищурив свои близорукие глаза. – Неужели Лика? Не случилось ли чего? На спичечной Строгановых неспокойно, красовские совсем близко от этой спичечной… А что если и между красовскими уже началось брожение? И

что если Лика там? Господи! И когда все это кончится только… Хотели найти тихий мир и забвение в этом пустынном уголку, а нашли…»

Маленькая женщина чуть заметно перекрестилась под своей полосатой английской весткой. Потом её глаза снова обратились на дорогу и она стала смотреть на приближающееся облако пыли. Вот, наконец, уже можно различить и тарантас, и лошадей, и возницу, и чью-то сильную, коренастую фигуру, занявшую собою все сиденье брички.

Зинаида Владимировна Горная, так звали маленькую женщину, долго всматривалась, прищурив глаза, и вдруг по лицу её пробежала радостная улыбка.

– Сила Романович, вы ли это? – вскрикнула она громко, бодрым, разом помолодевшим голосом.

Вмиг тарантас, гремя и громыхая, подкатил к террасе. Широкоплечий седок-богатырь на ходу выпрыгнул из него и, сорвав с головы свою соломенную шляпу, с низким поклоном склонился пред маленькой женщиной.

– Сила Романович! Вы? Ах, как я рада вас видеть! Вот приятный сюрприз! – весело говорила Зинаида Владимировна, пожимая огромные руки нежданного гостя.

– Не прогоните-с? Я мимоходом… задержу не долго-с… Изволите видеть, у нас спичечники балуются, так отец меня сюда и прислал… командировки вроде. Ехал я туда на спичечную и к вам завернул… вас и Лидию Валентиновну проведать-с. Не прогоните, сделайте милость, Зинаида Владимировна! – ронял радостно взволнованным голосом приезжий:

– Прогнать вас?! Да Бог с вами, голубчик!.. Да мы здесь голоса людского не слышим. Уж так рада, что хоть одного прежнего знакомого вижу, что и сказать не могу. И Лика рада будет. Вот увидите… – ответила Горная.

– Лидия Валентиновна строго воспретили их здесь беспокоить, как уезжали, – разом упавшим голосом произнес Строганов.

– Ах, что знала Лика! – с досадой, махнув рукою, ответила Зинаида Владимировна. – Вы помните, при каких обстоятельствах тогда мы уезжали в деревню? – и глаза маленькой женщины робко погрузились в детски-чистые глаза её собеседника.

– Помню-с! – чуть слышно проронил тот.

– Ну, вот видите – снова оживленно подхватила Горная. – И не мудрено, что тогда ей хотелось забыться. Ее скомпрометировали достаточно. Вам я могу сказать это, вы – друг Лики, она часто отзывалась о вас, как о друге, все это время…

– Да неужто вспоминали они меня, Зинаида Владимировна, Лидия Валентиновна вспоминали? Господи Боже мой! Да чем же я заслужил такое счастье? – разом встрепенулся Строганов, и лицо этого взрослого ребенка запылало таким неподдельным восторгом, что Горная не могла ласково не улыбнуться.

– Ну, вот видите ли, – с той же сочувственной улыбкой произнесла она снова, – тогда Лике было очень тяжело; это неудавшееся сватовство князя, навязанное ей родными, её отказ и дело приюта достаточно порастрепали нервы такой чуткой и впечатлительной натуры, какою она обладает, и не мудрено, что ей не хотелось никого видеть из тех прежних, кто окружал ее… Уверяю вас, что если она и вспоминает кого-нибудь, так это только своего брата, вас и маленькую Бетси… Не верите? Так спросите ее саму. Вот она, кажется, идет по дороге из Красовки по степи, глядите!

Едва только Горная успела произнести эти последние слова, как вся огромная фигура богатыря Силы встрепенулась, как былинка от дуновения ветра. Даже румяные щеки его чуть побледнели, а глаза, живо обратившиеся к степи, засияли лучистым светом.

– Позволите-с навстречу Лидии Валентиновне пойти? – робкими звуками сорвалось с его губ.

– Идите, идите, голубчик!.. Не со мной же, старухой, вам болтать! – ласково усмехаясь, проговорила Горная.

Но её последние слова едва ли достигли до ушей Строганова, Позабыв весь мир, он быстро сбежал со ступеней террасы, миновал желтую площадку, раскинутую пред домом, и очутился за высоким тыном, отделяющим сад от широкой, привольной степи. По узкой меже двигалась тонкая фигура женщины, одетой во что-то светлое с белым платком на голове.

«Она!» – вихрем пронеслось в мыслях Силы Романовича при виде женской фигуры и он ускорил шаги, крепко нажав рукою сердце, чтобы как-нибудь утишить его быстрое, неверное биение. За десять шагов до приближающейся к нему светлой фигуры он остановился, сорвал шляпу с головы и ждал. Палящие лучи солнца играли на его русых волосах, делая их золотыми. Блаженная улыбка застыла на лице.

– Лидия Валентиновна! Не велите казнить – велите миловать! – произнес он негромко, опасаясь испугать молодую девушку, которая приближалась теперь к нему с задумчиво опущенной головою.

Она вздрогнула, подняла глаза…

С минуту они стояли молча друг пред другом. Строганов машинально теребил рукою усатые колосья, выросшие на краю межи. И вдруг ласковая улыбка тронула нежные розовые губки девушки. Протягивая обе руки навстречу гостю, она произнесла:

– Сила Романович! Милый! Вот приятная-то встреча! Ах, Господи!

В две секунды оп был подле нее. Он готов был упасть пред ней на колена, ползать в пыли и целовать край её платья и говорить ей, говорить без конца о том, как он думал о ней все эти два года, как ожидал встречи с нею и не смел искать ее даже, потому что она запретила ему это. Но он не упал на колена, не бросился к её ногам и не целовал её одежды. Оп был робок и стыдлив, как женщина, этот богатырь-ребенок. Он только нежно и осторожно пожал своей огромной лапищей её хрупкую ручку, которая вся потонула в его большой ладони, и застенчиво произнес:

– Не извольте гневаться, Лидия Валентиновна, что я посмел ваше приказание нарушить. Но видите ли…

И он путано и сбивчиво стал говорить ей о том, что соседняя с Нескучным фабрика теперь принадлежит им, и про то, что на фабрике «балуют» и что отец послал его осмотреться и «столковаться» с народом.

Они шли теперь оба рядом по узкой меже, между двумя стенами колосьев и Сила Романович мог вдоволь налюбоваться тою, чей образ он нежно и долго лелеял в своей душе. Лика очень изменилась в два года разлуки. Когда она сняла платок с головы, чтобы обвеять им пылающее от жары лицо, он сразу заметил, что она точно выросла и возмужала. Прежнее детское выражение навсегда исчезло с её красивого, молодого лица. Какие-то горькие складки оттянули книзу углы её нежных, приветливых губ. В серых глазах, жизнерадостных прежде, теперь залегло горькое выражение не то укора, не то пытливого вопроса, неразрешенного никем. Легкая морщинка врезалась между черными тонкими бровями и придавала выражение сосредоточенности и скорби всему её тонкому, худощавому личику, значительно тронутому степными ветрами и солнечным загаром. Свои чудесные золотистые волосы она остригла и теперь они прихотливо вились, как у мальчика, вокруг её смуглого от загара лица. От прежней нежной, розовенькой хрупкой барышни в Лике не осталось и следа; это была новая Лика, но едва ли не более притягательная и прекрасная, с этим лицом мученицы-фанатички, с этим неуловимым выражением готовности к борьбе в прекрасных скорбных глазах.

– Что смотрите на меня? Не узнаете? Состарилась я, подурнела? – спросила она, видя, как Строганов робко оглядывает ее сбоку, идя рядом с нею. – Очень постарела я, Сила Романович, а?

– Ах, нет! – вырвалось у него порывистее и прямодушнее, нежели он этого хотел, – возмужали вы, это верно, Лидия Валентиновна, и старше стали как будто, но… такая же красавица, как и были, если не лучше еще… – заключил он пылко.

– Ну, уж этого я и не ожидала от вас, Сила Романович, я здесь от петербургских комплиментов вовсе отвыкла. И не вам их говорить, и не мне слушать! – произнесла с каким-то гордым, вызывающим выражением в лице молодая девушка.

Сила сконфузился.

«Поделом тебе! Поделом, мужичина сиволапый! – произнес он мысленно с каким-то злорадным торжеством, – нечего тебе, серому мужичонку, лапотнику, с суконным рылом да в калашный ряд тесаться… Тоже комплиментщик какой выискался! Обидел ее, как есть обидел… Генеральская дочка и вдруг от купца-аршинника комплимент какой!»

А Лика, между тем, и забыла даже о том, что слышала от своего спутника за минуту. Она шла серьезная, сосредоточенная, вся ушедшая сама в себя. Ей было о чем подумать. В Красовке начинался тиф, занесенный с фабрики, очевидно. И ни средств для борьбы с заразой, ни рук, ни медикаментов не было. Быт фабрики тоже немало угнетал ее. Там работали дети в узких, маленьких камерах, насыщенных вредными, ядовитыми парами. Фабричная больница была набита битком. Лика не имела права идти туда без разрешения хозяев, однако, водила туда как-то Герасима Вихрова ампутировать руку, перерубленную в драке, и ей довелось увидеть все те прорехи и недочеты, которые в голос кричали о себе. Она отлично понимала, что спичечники волновались не зря. Их заработок далеко не покрывал их жизненных условий, они работали сверх нормы, надсаживая здоровье и силы. Она давно знала, что спичечная фабрика куплена Строгановым и что ей легче, чем кому-либо другому, обратиться с просьбою к Силе улучшить быт серой массы: написать ему все, как обстоит дело на фабрике, в чем именно необходима реорганизация и какое улучшение можно сделать в жизни тех голодных, истерзанных душою и телом десятков людей, которые продают свое жалкое существование за мелкие гроши. Но она боялась сделать это, боялась напомнить о себе и снова зажечь погасшее уже, может быть, чувство в сердце молодого миллионера. Теперь же судьба, как бы нарочно, посылала на ее пути этого человека и она чувствовала, что уже не сумеет удержать в себе то, что копилось в её душе.

– Сила Романович, милый, – начала Лика, – хорошо вы осмотрели фабрику, да?

– Когда осмотрел-с? Теперь-с? Да я еще и не был там, Лидия Валентиновна. Я прямо с поезда туда поехал да по дороге к вам свернул… Уж простите-с! – произнес он с чистосердечно-виноватым видом.

– Вы хотели меня видеть? Да? – ласково произнесла Лика.

– Ужасно! – искренним, восторженным звуком вырвалось прямо из груди Строганова.

Лика нахмурилась и её лицо приняло строгое, почти суровое выражение. И вдруг она улыбнулась снова. Улыбка у неё осталась та же, что и два года тому назад, и в этой улыбке, казалось, воскресала прежняя Лика. Сила сам невольно просиял при виде этой улыбки.

– А, ведь, ваш братец Анатолий был прав, когда говорил, что вы ему напоминаете эту француженку святую… – начал он робко, ободренный её лаской.

– Француженку святую? – рассмеялась Лика и стала уже совсем прежней в эту минуту. – Ах, да, – спохватилась она, мило краснея, – Толя говорил часто, что я ему святую Женевьеву напоминаю…

– Вот, вот, именно-с! – обрадовался её неожиданному смеху Строганов.

– А что он, как? Счастлив?

– Анатолий Валентинович, с моей двоюродной сестрицей весело живут. Тятенька им их свадьбу с убегом простил. И молодых наградил порядочно. Жить можно хорошо, а…а…

– А только им все не хватает! – засмеявшись снова, подхватила Лика.

– Вот то-то и дело, что не хватает! – подтвердил Строганов, – уж очень шибко живут. А вам приютские кланяются, – неожиданно произнес он, – и Федюша, и остальные. Федя уж совсем большой малец стал. Его в гатчинский институт хочу поместить… способный парнишка.

– А вы часто там бываете в нашем приюте? – и умышленно подчеркивая слово «нашем», спросила Лика.

– Почитай что каждый день, Лидия Валентиновна, заезжаю проведать!

– Ах, вы, милый! – искренне и нежно вырвалось из груди молодой девушки. – Ах, вы, добрый, хороший, славный Сила Романович! Спасибо вам!

И она протянула ему обе руки, которые он, не осмелясь поцеловать, легонько пожал.

И тотчас же мысль подсказала Лике: если этот большой прямодушный человек так добр к ней и к тому маленькому делу их приюта, то к своему личному детищу – к фабрике – он должен отнестись вдвое гуманнее и лучше. И, уже не колеблясь больше, она сказала:

– Сила Романович, видите ли, я на вас рассердиться была готова, что вы вместо того, чтобы на фабрику поехать, к нам завернули, а, ведь, вы – сама доброта. Помните два года тому назад, когда после моей болезни вы приехали ко мне и меня, полную апатии к целому миру, воскресили к жизни, напомнив о том, что я необходима среди темных, бедных, невежественных людей, которым такая, как я, может принести пользу? И я с жадностью накинулась на любимое дело. И я счастлива. Правда, здесь нет того глухого медвежьего угла, о котором я мечтала. В нашем округе и фабрика, и село, и школа, и больница, но я рада, что здесь я еще более необходима, пожалуй, чем где-либо в другом месте. Я могу помогать всем и в школе, и в больнице, И сознаю, да, сознаю вполне, что не служу помехой, напротив… И вы, и вы… Сила Романович, можете помочь, если захотите. Отец вам не дал широких полномочий, не правда ли?

– Оно, собственно говоря, так, Лидия Валентиновна, отец велел столковаться с народом… пощупать… и…

– Ага! Пощупать! – с каким-то неожиданным раздражением произнесла Лика, и Сила Романович не узнал в этом разом окрепшем, властном голосе прежних нежных звуков девичьего голоса. – Ага, пощупать! – повторила еще ожесточеннее Горная. – Да знаете ли вы, что, пока вы с хозяйским видом станете «нащупывать», десятки ребятишек сгниют в зловонных камерах, а старые рабочие надорвутся, имея одиннадцатичасовой трудовой день… Господи! Что там за ужасы, Сила Романович! Милый! Если б вы только повидали, голубчик. Со стороны жуть берет. Честное слово! Они волнуются! Да… Становой валит все дело на агитаторов. Но это – абсурд! Агитаторов там ровно столько же, сколько рисует полиции её напуганное воображение. Там просто проснулся голодный рабочий инстинкт, просто человек понял, что не заслуживает той собачьей доли, какою его наградила судьба и которую вы, господа капиталисты, бросаете им из милости с тех пор, как железное царство воцарилось над царством человеческого труда, этим царством сгорбленных спин, вытянутых с натуги, царством потухших от ядовитых кислот глаз и пр., и пр. Сила Романович! Вы – друг мне, или нет? – неожиданно вскинула Лика на него свой взор и тотчас же продолжала снова: – если нет, то пишите, с места письмо губернатору, требуйте взвод драгун, сотню казаков, оцепите фабрику, закуйте в кандалы воображаемых агитаторов и вожаков и… и… словом, действуйте так, как действуют ваши доблестные собратья, кулаки-миллионщики, которые трясутся над своими прочно сколоченными грошами. Следуйте их примеру, Сила Романович, но тогда… тогда…

Лика закрыла лицо руками, и вдруг тихое, чуть слышное рыданье поразило слух Строганова.

– Лидия Валентиновна! Барышня милая! – зашептал он. – Лидия Валентиновна! Бог с вами… Не печальтесь! Не кручиньтесь! Все сделаю, что могу. Больше, чем могу, сделаю даже! Слово вам даю… И пусть я буду подлец, если… А теперь туда… на фабрику… к ним… чтобы с места, значит, не теряя минуты… Вы это истину сказали… святую истину!.. барышня… на пуховых перинах мы зажирели и не видим, не чуем. Эх-хх! Когда бы не поздно только… Прощайте, Лидия Валентиновна! Пора! Давно пора!

И, мешковато поклонившись, он быстрой походкой пошел по направлению к хуторскому дому, выглянувшему из-за зелени деревьев.

– Лика, что же он уехал, не отдохнув, не пообедав? – встретив племянницу на ступенях террасы, обратилась к ней совсем изумленная Зинаида Владимировна.

– Ах, тетя, милая! Он дал мне слово… – воскликнула Лика, мигом вбегая на крыльцо и повиснув на шее тетки.

Горная даже назад отшатнулась при виде этого необычайного оживления племянницы.

«Неужели же, Господи? Вот бы хорошо было! Пускай он не нашего круга, но при таком капитале всего достичь можно!» – произнесла она мысленно и вдруг, глубоко заглянув в глаза молодой девушки, проговорила:

– Он любит тебя, Лика? Он приезжал делать тебе предложение, да?

В следующую же минуту маленькая женщина раскаялась в своих словах. Лицо молодой девушки осунулось и как-то разом постарело. Что-то скорбное и безнадежное прошло по её побледневшим чертам и она тоскливо произнесла:

– Тетя! Родная моя! Вы понимаете меня больше всего мира и все-таки в основе никогда не поймете меня… Разве я могу быть чьей-нибудь женою? Ах, тетя, тетя!

И Лика глубоко задумалась, уронив на плечо Горной свою красивую стриженную головку.

III

Медлительно и плавно подползла короткая жгучая летняя ночь. Все уснуло на хуторе. Нескучное погрузилось в глубокий и сладкий сон… Там, где густо теснилась группа белоствольх берез и стройных тополей в углу сада, стояла, не шевелясь, гибкая девичья фигура. В своем светлом платье, с бледным лицом, приподнятым навстречу луне, вся посеребренная её нежным матовым сиянием, Лика Горная олицетворяла собою статую раздумья в этот тихий полуночный час. Внезапный приезд Силы Строганова в их благословенную глушь взволновал ее. Вот уже более двух лет прошло с тех пор, и как она с теткой приехала сюда, в это милое, тихое и одинокое Нескучное; тетя Зина с её неисправимым скептицизмом ко всему русскому, большим скептицизмом, навеянным самою жгучею любовью истинной патриотки, и она, Лика, с разбитым сердцем, на осколках которого, однако, сумело укрепиться одно сильное и смелое чувство любви к её темному народу. Гордое, изнеженное дитя света, Лика смело бросила свой вызов обществу и ушла от него, ушла от тьмы к свету, потому что задыхалась во тьме.

Да, она задыхалась. И сейчас, когда Лика вспомнила о том, что пришлось пережить ей там, в её недавнем и в тоже время страшно от неё отчужденном теперь прошлом, дрожь ужаса прошла по стройным членам молодой девушки. Пред ней медленно поднимались призраки прошлого из серебряной как расплавленный металл, лунной ночи. Вот-вот они снова пред ней, эти жгучие воспоминания…

Тихо и значительно плещут синие воды вечно юной, вечно певучей и радостной Адриатики. Там далеко неслышно скользят огромные суда, кажущиеся здесь малюсенькими чайками. Она, шестнадцатилетняя Лика, стоит на балконе вся белая, чистая, юная и хорошенькая, и пред ней её учитель – синьор Виталио со звучною мандолиной в руках. Лика поет, а синьор Виталио чуть дышит, прислушиваясь к молодым, сочным звукам этого едва окрепшего девичьего голоса. Синьор Виталио – совсем особенный учитель. Он сам – музыкант, великий музыкант, и не признанный людьми композитор. Он презирает деньги, то желчное, бледное, больное подергивающееся в судорогах божество, которому люди сумели отлить драгоценнейший пьедестал. Он не продает своих песен, звуков своей скрипки и своей мандолины этому Ваалу. Он понимает искусство ради искусства, ради него одного. Искусство и родина – вот два несокрушимых идеала престарелого маэстро, альфа и омега всей его жизни. Он поет ради искусства и слагает дивные песни для своего народа, он кормит этот народ своими звуками, своими струнами.

Богатая аристократия – эта вымирающая, истлевшая в собственном разгуле среда – не поймет его. Он им смешон, этим детям балованного света, он, седовласый идеалист Виталио с его пылкими песенками и не менее их пылкими речами. Зато бедняки, оборванные, босоногие, опаленные безжалостным солнцем, бедняки с мускулистыми членами, коричневыми от загара – эти поймут его. Когда они, закинув поутру сети, не найдут в них под вечер того желанного улова, который должен прокормить их на завтра, они идут к синьору Виталио, к их «атисо – синьору» и смело, как у друга, просят у него помощи. И тогда он выступает со своею скрипкой и играет так, что вся Генуя, весь гнилой Рим, с его порочной золотой молодежью и похотливо-страстными синьорами замирает от восторга. Теперь он чаще играет и реже поет. У него пропадает голос, и все назойливее и назойливее закрадывается мысль в сердце одинокого старика – мысль о преемнике, который заменил бы его, который поднял бы знамя светлого искусства так высоко, чтобы люди не могли захватать его грязными, алчными руками.

И она, Лика Горная, явилась пред ним и олицетворила в себе все то, на что робко надеялся старый певец-музыкант…

Золотое солнце жжет знойно, настойчиво и тепло. Небо голубеет высоко-высоко и нет предела этой ясной глубине. Миндаль в самом цвету. Деревья, как белые невесты, стоят высоко над горою…

Лика поет. Эту песню сочинил сам маэстро. Эта песня так славно отвечает и его, и её стремленью. Там говорится о всесилии добра и братства, там говорится о непосильном труде одиноких, о царстве голода и труда. Завтра она споет эту песню зачерствевшим в пороках и страстях, пресыщенным и усталым аристократам, и – кто знает? – может быть, её сочный, молодой, чистый, как хрусталь, голос проникнет им до самых сердец и они помогут семьям тех неаполитанских рыбаков, которые несколько дней тому назад нашли свою могилу в море. И эта мысль так вдохновляет самое певицу, что её голос звучит теми страстными, глубоко прочувствованными нотами, которыми нельзя заменить никакое bel-canto. Даже тетя Зина, привлеченная необыкновенным подъемом в пении Лики, вышла на веранду их маленькой и веселой виллы.

– Как она поет, как она поет, наша девочка! Не правда ли, синьор Виталио, из неё выйдет что-то? – тихо шепчет она на ухо седому маэстро.

Синьор Виталио ничего не отвечает и, лишь, когда замирает последняя трель, он поднимается со своего места, подходит к Лике и, кладя ей руку на плечо, вдохновенно говорит:

– Бог дал вам величайшее из богатств мирозданья. Он дал вам голос, дитя мое, редкий голос и редкую душу. Сумейте же утилизировать их. Отдайте то и другое на служение бедным, сирым и угнетенным. Вы богаты, Лика, и затруднений в этом случае не может быть. Клянитесь же мне, что ваш талант и вашу душу вы отдадите на служение слабым! Клянитесь, что отныне солнцем вашим будет цель облегчения нужд несчастных, клянитесь мне!

– Клянусь! – страстно вырвалось тогда из молодой девичьей груди. – Клянусь, милый, дорогой учитель, и сделаю все, чтобы улыбались вокруг меня те, кто до сих пор не умел улыбаться. Отныне я служу людям, учитель! – пылко заключила свою речь глубоко потрясенная и взволнованная девушка.

И Лика пела на другой день, пела ради бедняков с хмурыми лицами и коричневыми от солнца телами… И как она пела, Боже Великий! Генуя плакала, та самая Генуя, которая привыкла топить золото в бушующей лаве своих страстей. Генуя плакала при виде трогательно-нежной и чистой, как цветок ландыша, русской девушки, почти ребенка, смело указывавшей им, пресыщенным и усталым богачам, на скорби и нужды большого мира…

Новое воспоминание вихрем пронеслось в мыслях Лики.

Ее требуют домой, ее, отданную маленькой девочкой на попечение «заграничной» тете, убежавшей от снежных равнин и голодных деревень её родины потому только, что смелой и энергичной женщине было тяжело оставаться бессильной свидетельницей того мертвого засосавшего её родину болота, в котором безнадежно гнили лучшие люди страны. И вот ее, Лику, отбирают, как вещь, от любимой тетки, научившей: ее не менее старика Виталио любить людей, страдающих и несчастных, а еще больше любить русских людей, больную, израненную родину, этого «недоношенного ребенка», по выражению тети Зины, искалеченного еще в утробе матери. Из своего прекрасного далека, из страны, залитой солнцем, с миндальным ароматом и голубыми волнами Адриатики, она, Лика, сумела, благодаря той же тетке, полюбить и черные, закоптелые избы, и целые поселки без школ и больниц, и долготерпеливую, упорную и жутко-покорную натуру русского крестьянина. Ее тянуло от волн солнца, моря и света в дикие, болотные трущобы, где между покривившимися закоптелыми избушками российских деревень твердо и прочно воздвиг свой трон всесокрушающий царь-голод!

Италия с её звучными песнями и пестрой толпой наскучила ей. Ей хотелось иных песен, иной толпы, которую так вдохновенно и скорбно описывала ей тетя Зина, рано понявшая свое бессилие и уехавшая из России потому только, что помочь ей, этой толпе, она не

могла. Нет, нет надо было жить там, страдать вместе с ними! Лика почти обрадовалась, когда запоздалое письмо матери позвало ее на родину.

– К солнцу! К солнцу! – твердила она, как безумная, – туда, в Нескучное (Нескучное было их имение на берегах Волги, далеко в глуши России), к закоптелым избам, к голодным крестьянам, к бесприютным детям! Учить их, кормить, лечить, утешать.

Лика, наглядевшаяся на торжество цивилизации европейского мира во время своих путешествий с тетей Зиной, сумела понять всю целесообразность обязательного школьного образования и всю непригодность российской умственной тьмы. Она помнила, что в далеком детстве, пока её еще не взяла к себе заграничная тетя, ей приходилось видеть весь ужас крестьянского нищенства. И тогда-то и залегла первая чуткая искра мировой печали в нежную душу девятилетней девочки, которую горячо раздули в ней впоследствии синьор Виталио и тетя Зина.

Но на первых же порах жуткое разочарование постигло Лику. Вместо того, чтобы ехать в Нескучное к серым людям и к жгуче-трепещущей деятельности, она очутилась в самом водовороте пестрой столичной жизни. Её мать, вполне светская женщина, влюбленная в вековые традиции общества, сумела на первых порах затянуть Лику в это бушующее, клокочущее море. Но не долго молодая девушка вела эту праздную, далеко не отвечающую её нравственным запросам жизнь. Она не могла довольствоваться тем, чем обыкновенно довольствуются светские барышни с их незначительным, узким кругозором.

И вот в то самое время, когда все её существо так жадно тянулось к тем острым впечатлениям, к той страстно желаемой плодотворной деятельности на пользу человечества, появился «он»…

Лика вздрогнула как бы от холода при одном воспоминании об этом человеке. Он пришел к ней неожиданно, как принц в сказке, и позвал ее на большое, светлое дело.

«Большое дело!» – Лика ядовито усмехнулась… И она поверила ему! Она поверила, что этот высокий, красивый человек с холодным взглядом насмешливых глаз исповедует одну религию с нею, что он – носитель тех же идей, которыми полно все её молодое существо, что и он задыхается среди пустоты суетного света и жаждет приносить пользу и добро. Он предложил ей быть его помощницей… За неимением большого, за невозможностью уехать в дебри «Нескучного» и приносить пользу тем, «другим», Лика охотно согласилась принять на себя дело по устройству детского питомника – его питомника. И вот её новая деятельность закипела. Лика была счастлива, как дитя, видя пред собою радостные детские личики пригретых ею и им сирот. Князь Всеволод Гарин – так звали этого гордого, красивого, ко всему скептически относящегося человека, – сам горячо увлекся идеей детского питомника и заботился о маленьких призреваемых, как самый нежный отец. Им удалось привлечь к их общему делу и богача миллионера Силу Романовича Строганова, на двоюродной сестре которого женился брат Лики, блестящий гвардеец Анатоль. И этот добрый, чуткий, прямодушный, как ребенок, Сила едва ли не более самого князя Всеволода предался делу приюта.

Так шло до тех пор, пока в одни день или, вернее, в одну ночь не рухнуло все разом. Идеал Лики почернел, как чистая позолота от прикосновения к ней ядовитого раствора, и молодая девушка пробудилась от своего сладкого, розового сна. Но как поздно, как ужасно поздно наступило пробуждение! Она обманулась в нем, в этом искателе приключений, в этом холодном аристократе, эгоисте-барине, приняв его филантропическую деятельность за истинную любовь к человечеству; а, между тем, это был лишь эффектный выход талантливого актера, лишняя красивая ставка в жизненной игре. Лика поняла тогда, что Гарин не способен на высокое, чистое, прекрасное чувство ко всему человечеству, не способен отдать себя на служение людям и их нуждам и что если он эффектно задрапировался в красивую

тогу благородного деятеля, то ради того только, чтобы успешнее завладеть ею, Ликой. И он завладел ею.

О, как она помнит эту ужасную, роковую для неё ночь!.. Они катались на тройке, сна, Сила Романович, брат Анатоль со своей невестой Бетси Строгановой и «он» – «он», которого она любила больше жизни и которому посвятила всю свою кроткую девичью любовь. Лика, как сейчас, видит пред собой снежную гладкую, как паркет, зимнюю дорогу. Троечные бубенцы звенят, переливаясь в ушах… Снежная пыль кружится в воздухе и обсыпает их серебряными блестками, садясь на темном бобре мужских шинелей и шапок, на светлом сукне изящных шубок её и Бетси.

И потом этот переход из тьмы к свету, залитый потоками электричества отдельный кабинет, с его преступной атмосферой, наполнившей, казалось, и алые бархатные диваны, и тяжелые драпри, и хрусталь, и бронзу, уставившую стол… И, наконец, волшебное пение соединенного цыганского хора, смуглая, худая красавица-цыганка с её в душу просящимся, жгучим взором, и «его» песнь, песнь князя, мастерски исполненная с настоящим цыганским пошибом. О!.. А потом все завертелось, закружилось в одном общем круговороте, и Лика помнит только одно – их обратный путь, её заезд к «нему» и страстные, нежащие душу глаза Всеволода, его покоряющие сердце речи и поцелуи, и ласки без конца.

И теперь, вспоминая о них, она страстно вздрагивает всем телом. Неужели она еще любит его? Нет, нет! То прошло, миновало безвозвратно, вернуться к прошлому невозможно!

Когда она ушла от него навсегда, узнав, что он делил её любовь с любовью другой женщины, купленной рабыни, маленькой дикарки, привезенной им ради прихоти с Востока, Лика ясно поняла, что любовь этого человека ничтожна и пуста и что она была для него лишь блестящей игрушкой и только.

Разрыв с родными, которым она смело бросила в лицо правду о своем падении, глубокое разочарование в любимом человеке надломили тогда силы Лики. Она опасно заболела, а когда вырванная заботами тети Зины, прилетевшей из-за границы, чтобы ухаживать за её любимицей. Лика встала, прежнего стремления к борьбе и жизни на пользу людям уже не ощущалось в ней. Какая-то жуткая апатия овладела всем существом молодой девушки. Жизнь представлялась ей теперь сплошным и тоскливым прозябанием. И вот тогда-то и появился тот славный богатырь Сила. Он пришел и сказал ей о солнце, о её былом солнце, которое было померкло для неё. Он напомнил сии о том времени, когда она настойчиво и смело рвалась к этому солнц, когда она вся горела желанием раздавать улыбки и счастье вокруг себя, и всколыхнул ее всю одним словом. И снова чудный мир раскрылся пред Ликой. Уныние и апатию как рукой сняло. Она убедила тетю Зину ехать в милое Нескучное, вокруг которого затерялись крошечные закоптелые лачуги голодных крестьян. И вот уже два года она здесь. Два года благословляют ее крестьяне. Она выстроила школу в Колотаевке, устроила воскресные чтения в Красовке, на свои личные средства соорудила приемный покой в Рябовке. А сколько одиноких, осиротевших крестьянских ребятишек гащивало у них в Нескучном до тех пор, пока их не удавалось устроить где-нибудь в столичном приюте!

– Святая наша барышня, как есть святая! – убежденно говорили о Лике красовские, рябовские другие крестьяне, с каким-то благоговением глядевшие на молодую девушку.

– Не надорвись, Лика! – часто предостерегала Зинаида Владимировна свою не в меру усердствовавшую племянницу, когда та возвращалась поздно ночью из избы какой-нибудь умиравшей бобылки.

– Ах, не мешай мне! – говорила Лика, – я только и живу этим, тетя!

И она ни мало не кривила душой, говоря так. Её жизнь состояла в работе для других.

О князе Гарине, который поступил с нею предательски, Лика не думала больше. Иногда, правда, мысль о нем возвращалась к ней, но она упорно гнала ее от себя; она старалась

вполне отрешиться от того омута, в который когда-то ее было забросила судьба. И это вполне удалось ей. Лика почти забыла то, что составляло мучительную язву её жизни, как вдруг прежнее воспоминание при появлении Силы снова вспыхнуло в ней.

Ведь, Сила знал все. Весь её короткий и так безжалостно опошленный её героем роман происходил на глазах его, Силы Строганова. С его появлением здесь появилось у неё острое, как сверлящий бурав, воспоминание. Двое мужчин, двумя молчаливыми призраками, встали пред нею: он – этот Сила Романович Строганов, великодушный, чуткий альтруист, любивший ее самоотверженно и покорно, верный пес, готовый ежеминутно следовать по пятам за своей госпожою, и тот холодный, эгоистичный человек, любивший себя больше целого мира и готовый бросить весь мир к своим аристократическим ногам…

Эти два призрака двух диаметрально противоположных людей упорно стояли теперь пред Ликой в полутьме июньской ночи и невольно её мысленные взоры устремлялись к ним. Прежняя волна, прежняя жажда быть снова преданно и нежно любимой заговорила в девушке. Ведь, она еще молода, ведь, ей едва минул двадцать один год, и она имеет право взять свою долю счастья у судьбы. То дело, которому она отдавала себя, – бесспорно великое, огромное дело; по и для личного счастья, для её маленького девичьего счастья ей хотелось бы чего-то еще. Ведь, не умерло же в ней сознание своей красоты и молодости. Правда, она почти забыла о них, но сегодня красноречиво-влюбленные глаза Силы сказали ей, что она по-прежнему молода и прекрасна и имеет право на счастье, огромное счастье. И зачем только появился здесь Сила? Зачем? Она хорошо, просто и трезво чувствовала себя со своими мужиками и их ребятишками, с простыми, рано состарившимися в борьбе русскими женщинами-крестьянками, с малых лет признавшими инстинктом один великий девиз: «отдавать всю себя за любимых». И нужно же было после двух лет появиться сюда Силе и разбудить так крепко уснувшую было в ней силу её молодости!

Знойная, жгучая июньская ночь обжигала Лику; в ней было что-то тлетворное, в этой, пропитанной запахом левкоя и меда, ночи. Чьи-то глаза блеснули близко-близко от Лики. Она узнала их сразу. В их холодном, темном пресыщенном взгляде сквозили нестерпимая жажда и власть. Лика вздрогнула.

– Что это? Галлюцинация? – беззвучно прошептали её губы.

И тотчас же она невольно усмехнулась над своей трусостью. Такие глаза не принадлежали одному князю Гарину, которому два с небольшим года тому назад она, гордая и чистая Лика, беззаветно отдала себя всю. У Брауна, нового машиниста на фабрике, были такие же жуткие и холодные глаза, тот же темный, прожигающий душу каждого и холодный сам по себе взгляд. И всякий раз, как только Лика встречала Брауна, чувствовала на себе взгляд его странных глаз, её мысль вызывала другой образ, далеко не похожий на образ фабричного машиниста, но, тем не менее, обладающий подобными же глазами. И сейчас мысль Лики сказала ей, что здесь Браун.

В этом не было ничего необычайного, так как один из красовских крестьян, за которым она долго ходила, умирал в фабричной больнице и Лика с минуты на минуту ждала известия оттуда.

– Браун, вы? – звонко крикнула в темноту Лика.

Но никто не отозвался. Только те же темные глаза неотвязно стояли пред Ликой, обжигая ее своим фосфорическим огнем.

Тогда она ощутила какой-то суеверный страх; он колючим холодком пробежал по всему телу молодой девушки и, зябко кутаясь в платок, она тихо и бесшумно тенью скользнула по дороге к балкону.

Уже около самых ступеней террасы Лика машинально подняла голову и глянула по направлению Красовки. Громкий крик вырвался из груди девушки. Небо алело заревом пожара, крайние избы, те, которые стояли ближе к фабрике, пылали в огне.

IV

Первою же мыслью Лики было бежать. Там, в слободе (Красовка была слободою, тесно прилегающей к фабрике), могли быть слабые, больные старики и дети, о которых, конечно, позабудут в суматохе пожара, и Бог знает, что может случиться с ними.

И Лика бросилась бежать со всех ног, трепеща в своем волнении. Огромный пустырь до леса в несколько минут остался далеко позади за нею. Теперь она неслась, как птица, по знакомой меже между двумя рядами колосьев, по той самой меже, на которой она сегодня пристыдила Силу, послав его на фабрику.

Мысль о Строганове живо перекинула ее на иную мысль. Невольная догадка молнией блеснула в голове молодой девушки.

Пожар на конце Красовки, там, где живут эти… Веревкин и Маркулов. Неужели же? Неужели красовские выполнили свою давнишнюю угрозу и пустили «красного петуха» двум отщепенцам, которых дружно ненавидели всею слободою, считая их за доносчиков и шпионов, состоящих негласными помощниками управляющего.

Лика знала, что большую часть спичечников составляли слобожане. Они задыхались в тяжелых условиях фабричной жизни точно так же, как задыхались и в зловредных испарениях белого фосфора, находящего себе применение на этой фабрике, вопреки распоряжению губернской администрации. Фосфорные, сернистые пары, наполнявшие воздух камер, убийственно влияли на обоняние и зрение рабочих.

Лика знала весь ужас фосфорного отравления. Но говоря уже о постоянном расстроенном питании, бронхите, воспалении легких и туберкулезе, фосфорное отравление влияло еще на челюсти и полость рта, поражая и вызывая опухоль десен.

Примитивное устройство купленной Строгановыми фабрики, её скученные отделения, перегороженные лишь слабыми стенами от ядовитых камер, все это говорило за широкое скопление вредных бацилл. Лике не раз приходилось слышать жалобы слобожанок-матерей из Красовки на то, что их дети, посылаемые на фабрику, жалуются на зубную боль и опухоль десен, которые в самом непродолжительном времени переходят в гнойное воспаление надкостницы, заканчивающееся поражением челюсти, специальною болезнью спичечников.

Она давно хотела серьезно и обстоятельно переговорить с управляющим фабрики о том, как бы уговорить хозяина перенести лабораторию в другое помещение и упрочить стены между сушильной и макальной, чтобы вредные пары не переходили из одного отделения в другое. Но управляющий Бобруков, сухой, черствый человек, всячески избегал этого разговора с Ликой. Он был нанят еще прежним хозяином фабрики и ценился им за уменье беречь хозяйскую копейку. Зато рабочие дружно ненавидели этого жестокого и черствого человека. И теперь волнения между красовскими рабочими были вызваны исключительно им, его беспрестанными взысканиями и штрафами, его бессердечным отношением к рабочему люду. Лика неоднократно заговаривала с ним о непосильной тяжести трудового дня, об антигигиеничных условиях фабрики, но на все доводы получала один ответ:

– Полноте, барышня! Зря только волнуетесь! У нас рабочие, как в раю. Толи еще бывает!

Однако, спичечники, вволю натерпевшиеся, наконец, не вынесли этого рая, и ропот поднялся между ними.

Бобруков встрепенулся. Боязнь за собственную шкуру заставила его тотчас написать в Петербург. Результатом этого письма и оказался приезд Силы.

Лика давно знала о брожении на фабрике, знала, что этому брожению хитрый Бобруков силится придать политическую окраску, чтобы скрыть экономические прорехи и недочеты. Знала она и то, что среди красовских есть шпионы, которые за ничтожное вознаграждение

готовы донести управляющему на своих же товарищей. Двоих из бобруковских наушников она знала в лицо; это были Маркулов и Веревкин, избы которых и пылали теперь на краю Красовки. Очевидно, красовские накрыли управительских шпионов и решили разделаться с ними по-своему.

Теперь Лика летела стрелой прямо к тому месту, где исполинский костер указывал на место пожара. Две избы были сплошь охвачены пламенем. До ушей молодой девушки доносились смутный гул голосов, женские крики и визг, плач ребят и мычанье испуганного скота.

Лика остановилась, чтобы перевести дух неподалеку от фабрики, мимо которой ей надлежало пройти, чтобы попасть в Красовскую слободку, а затем ускорила шаги и очутилась у самых ворот. Огромная толпа народа запрудила всю внутренность фабричного двора, преграждая всякий доступ к деревне. Толпа кричала, шумела и волновалась, ни мало не обращая внимания на горевшие избы, откуда неслись стоны и вопли о помощи.

До Лики доносились отдельные голоса, выкрики, фразы.

– Душегуб он, братцы… – кричал хорошо знакомый Лике звонкий тенор Гараськи Вихрова, того самого, которому еще так недавно в её присутствии ампутировали руку, – как есть душегуб. Што ему в сушильне вентиляции понаделать, а то от фосфора не передохнешь вовсе. Покедова рамки сделаешь – задохнешься.

– Верно, братцы, он это верно, Безрукий, говорит, – послышался другой голос, нервный и вздрагивающий от натуги. – Старики наши вон говорят, что николи так народ не мер, как с той поры, что фабрику здесь приспособили.

– А дети наши! – неистово взвизгнула худая, как скелет, бабенка, – мой Митяга кашлем заходится. К земскому дохтуру возила, в чахотку его вогнали, сердешного… – и баба заголосила, неистово покрывая собою гул толпы.

– Смету сколько времени обещал послать в Питер к хозяину, живодер окаянный, а что сделал?

– Он все больше насчет политики… Все агитаторов ищет! – послышался в толпе полуинтеллигентный оклик одного из «образованных» рабочих.

– Вот мы ему и покажем агитаторов. Тут не в смутьянстве дело, а в том, что жрать нечего! – озлобленно воскликнул пожилой мрачного вида мужик и погрозил кулаком по направлению управительского дома.

– А Веревкин с Маркуловым дотла, братцы, испепелятся, – послышался чей-то нерешительный голос в толпе.

– А тебе жаль, што ли? Добра их жалко? А мало по их милости нас гибло от безработицы, когда по их наговору треклятому управитель нашего брата рассчитывал? Так им и надо, собакам. И Бобрукову того же надоть бы.

– И Бобрукову того же, и «управителю того же… Пущай собака погреется хорошенько! Мало, што ли, выпил крови христианской? – подхватило несколько голосов.

Гул их становился теперь все громче и страшнее, нарастая с каждой минутой. Угрозы ежеминутно вырывались из той или другой возбужденной и надсаженной горечью груди.

Лика, затерянная, никем не замеченная среди этих озлобившихся, взволнованных людей, слушала с напряженным вниманием то, что происходило в толпе. И вдруг резкий одиночный крик поразил слух молодой девушки:

– Веревкин и Маркулов за наушничанье, а ему, собаке, за притесненье того же подпустим!

Лика вздрогнула и встрепенулась. Ей слишком хорошо был понятен этот призыв рабочего.

И она испугалась возможности его осуществления. Поджечь дом Бобрукова – значило бы сжечь всю фабрику, значило бы оставить без хлеба сотни семейств тех самых людей, которые в своем слепом порыве мщения отказывались слушать голос рассудка.

– Остановитесь, безумные! Что вы хотите делать! Фабрика сгорит, вы останетесь нищими! – вырвалось помимо воли из груди девушки, но её слабый голос был покрыт и задавлен новым гулом мужских и женских голосов, и тут же толпа ринулась по направлению управительского домика, стоявшего очень неподалеку от рабочих камер.

Лика кинулась следом за толпою, беззвучно крича что-то и махая руками.

– Остановитесь! Остановитесь! – рвалось стонами и воплями из её души.

Она бросилась вперед, стараясь протискаться как можно ближе к главарям толпы.

Но вдруг чья-то сильная рука схватила за руку Лику. Она быстро вскинула свой взор и подалась назад. Пред ней стоял высокий, худощавый мужчина с длинной черной бородой, с бледным лицом и душу прожигающим, острым взглядом. На нем была широкая темная блуза, подпоясанная ремнем. Темные волосы падали на высокий лоб и придавали суровое выражение его угрюмому лицу.

– Барышня… Лидия Валентиновна… Куда вы? – услышала Лика над собою глухой, но не лишенный приятности голос.

– Ах, это – вы, Браун! – словно во сне, прошептала Лика. – Пустите меня! Разве вы не видите, что они безумствуют?

– Настолько, что вам, слабой женщине, не остановить их, – прервал ее машинист, и его холодные глаза пронзили Лику странным блеском.

Но Лика рванулась снова вперед, крича в толпу умирающими, тут же на месте заглушенными звуками. И снова сильные руки Брауна удержали ее.

– Пустите меня, пустите! – билась в этих сильных руках Лика, – они сожгут дом, сожгут фабрику. Я должна остановить их, пустите меня!

– Они не послушают вас… Они оскорбят ваш слух, Лидия Валентиновна… Они невменяемы… Всякое заступничество может только сильнее разжечь их страсти. Поручите это дело мне. Я в данном случае сильнее вас.

И, прежде чем она могла ответить что-либо, высокая фигура Брауна замешалась в толпу. Энергично работая локтями вправо и влево, он опередил Лику и, поспешно вбежав на крыльцо управительского дома, закричал своим сильным голосом с заметным иностранным акцентом прямо в народ:

– Стой, братцы! Не стоит из-за одной паршивой овцы погибать всему стаду. Спалить конуру кровопийцы-собаки легко, по огонь может перейти на фабрику – и тогда все пропало. Сотни безработных пойдут с протянутыми руками, во имя Христа… Стоит ли он этого братцы? Подумайте! Возмездие должно быть. Он виноват перед нами, и я, германский подданный Герман Браун, первый стою за то, чтобы управляющий понес кару. На крупных европейских и российских заводах в рабочих уставах, ставших традиционными, есть один прекрасный обычай – вывозить недостойного администратора в тачке за ворота фабрики. Позорное клеймо такого наказания не смоется никогда. А я, со своей стороны, постараюсь оповестить столичные газеты, что рабочие спичечной фабрики господ Строгановых вывезли на тачке управляющего за его недостойное поведение с ними. Так ли я рассудил, братцы, а?..

Так, так! – загалдели рабочие.

И вмиг новый гул покрыл все остальное. Что-то зловещее слышалось теперь в этом гуле.

Лика невольно содрогнулась от одной мысли о том, чем может окончиться инцидент с тачкой в случае если Бобруков задумает сопротивляться. Озлобленные красовские готовы были на все. Об этом наглядно свидетельствовали теперь две сожженные избы приверженцев Бобрукова.

Но больше всего остального Лику мучила участь Силы. Где он? Куда он скрылся? Почему его нет здесь, на месте волнения? Судя по времени, он давно должен был быть на фабрике. Что же могло задержать его? Или…

Последняя мысль бросала девушку то в жар, то в холод. Что если озлобившиеся на всю фабричную администрацию рабочие встретили по дороге Силу и… и… расправились с ним?.. Но в таком случае она уже давно узнала бы об этом. Нескучное и Красовка – ближайшие соседи, и ничто не могло бы укрыться от взора обитателей хутора. И тут же Лика не могла не сознаться самой себе, что она умышленно убаюкивает свой страх.

Однако думать об этом много ей не приходилось. В доме управляющего замелькал огонь. Очевидно, там догадались о грозящей опасности, и все поднялись на ноги.

Герасим Безрукий и еще четыре заправилы фабричных энергично шагнули вперед, быстро взобрались на крыльцо и отчаянно забарабанили в дверь.

– Дмитрий Кузьмич, выходи! – закричал один из этих рабочих, Иван Дурдин, надорванный работой мужик. – Народ пришел до тебя, говорить надо. Выйди на минутку! Дюже надо повидать тебя.

Но никто не откликался из дома на громкий призыв рабочего. Только мелькающий огонек перешел из одного освещенного окна к другому, и снова все погрузилось во тьму. Тогда крики рабочих сделались настойчивее и громче. Женские голоса присоединились к ним.

– Выходи, Каин, выходи, убийца! Хуже будет, если сами придем за тобой.

Этот последний аргумент подействовал сильнее всего остального. Бобруков, очевидно, сообразил, что выйти более безопасно, нежели быть насильно вытащенным расходившейся толпой. Дверь скрипнула, приотворилась, и фигура в халате поверх нижнего белья, с коротко остриженными щетиной седеющими волосами, появилась на пороге, держась за притолоку дверей.

– Что за сборище, братцы? расходись! – начал нетвердым голосом управляющий, – нашли тоже час людей беспокоить…

Он трусил, но всеми силами старался скрыть это. Его лицо, уже бледное до этого, заметно побледнело еще, когда он повернул голову по направлению к горящим избам.

– Горит! Горит в Красовке, православные! – крикнул он, словно обрадовавшись предлогу повернуть в другую сторону мысли

«бунтарей», как он называл всех без исключения фабричных.

– Горит, вестимо, горит! То и горит, что надо! – послышались из толпы насмешливые голоса, – чему не надо, вестимо, не загорится.

Избы, вишь ты, наши далеко от пожара. Бояться нечего. Да и парни остались там, чтобы за нашим добром следить. А ты, Дмитрий Кузьмич, как про то думаешь?

– Веревкин горит… Маркулов… Они с самого края слободы… Поджигатели! Бунтари! Разбойники! Убийцы! – неожиданно завопил Бобруков, забывая осторожность, топая ногами и грозя кулаками толпе.

– Эх, брат! Вот ты как с нами? Бери его, ребята! – зазвенел красивый тенор Герасима Безрукого, и вся толпа, как-то тихо ахнув, придвинулась к крыльцу.

Четыре рослых парня схватили Бобрукова за руки, за ноги и стащили с крыльца. В туже минуту чьи-то руки выдвинули ручную тачку из толпы, другие руки накинули на страшно извивавшегося Бобрукова рогожный мешок, впихнули его туда, несмотря на крик, отчаянное сопротивление и угрозы, и, взвалив этот живой, шевелящийся мешок на тачку, со свистом, гиканьем и криками покатили за ворота.

Кто-то по дороге ударил по мешку кулаком, что было силы, кто-то повторил маневр и в ту же минуту удары посыпались за ударами, вызывая крики злобы, боли и отчаяния из глубины мешка.

– В реку его, братцы, в реку! – послышался голос одного из фабричных. – И то дело! Вали его в реку вместе с тачкой, ребята!

– Хозяйского добра не жалко, – вторил другой голос и через секунду другую уже ничего не было слышно в общем гуле и шуме голосов.

Участь Бобрукова была решена. Сильные руки катили его прямо к реке по скату, и через минуту-другую холодные струи реки поглотили бы его, по вдруг, неожиданно, в тот миг, когда тачка была уже на самом берегу, из небольшой фабричной пристройки вышла или, вернее, выбежала рослая богатырская фигура, в простой мужицкой рубахе, без шапки, с развеянным кудрями и стремительно кинулась наперерез толпе.

– Стойте, православные! Стойте! Не губите души христианской! – послышался мощным окликом слишком хорошо знакомый Лике голос.

Она так и подалась вперед навстречу кричавшему, сразу узнав Силу и инстинктивно чуя возможность найти в нем защитника несчастного Бобрукова.

Рабочие, катившие тачку, остановились. Кое-кто признал хозяйского сына и снял шапку, другие же враждебно поглядывали на не в пору появившегося пришлеца.

Сила быстро очутился между рекой и толпою.

– Кого везете, ребята? – сильным, мощным голосом крикнул он в толпу.

На минуту воцарилось молчание, после чего Гараська Безрукий выдвинулся из толпы и, дерзко окинув взором всю фигуру Силы, крикнул:

– А тебе какое дело? Не мешайся! Прочь с дороги! Не в свое дело не суйся, брат!

– Да это – молодой хозяин, робята, – послышался новый нерешительный голос из толпы.

– А шут с ним, с хозяином. Мы сами себе хозяева! – закричали новые голоса.

– Нечего глядеть на него, расправляйся, братцы, с Каином нашим! – подхватили другие, и несколько рук протянулись к тачке, подняли мешок с барахтавшимся в нем и кричавшим изо всех сил Бобруковым и стали мерно раскачивать его над водою.

Лика в ужасе закрыла лицо руками. На её глазах должен был совершиться возмутительнейший из актов самоуправства. Она тихо, скорбно застонала…

– Уйдите отсюда, барышня! Не место вам здесь! – послышался над нею мужской голос и, обернувшись, она увидела склоненное над её плечами лицо Брауна.

– Вы!.. Зачем вы… посоветовали им это? – с укором могла только прошептать девушка.

– Я им ничего не советовал! – хладнокровно пожал плечами машинист. – Желая спасти это глупое стадо, я навел их на лучший исход, а эти звери…

Он не докончил своей речи, оборвав ее на полуслове и впиваясь взором в то, что представилось его глазам.

Сила Романович стоял теперь, плотно окруженный толпою самых отчаянных фабричных. С его круглого добродушного лица сбежало его обычное кроткое выражение. Губы нервно подергивались. Сильные руки сжались в кулаки.

– Развязать мешок и выпустить его на свободу! – властным голосом приказал он толпе.

На один миг водворилось молчание. И вот, как бы в ответ на его слова, выступил из толпы бородатый фабричный из столичных, Кирюк, видавший виды и особенно притесняемый Бобруковым.

– Как же, держи карман шире! Ишь ты, какой прыткий! Захотел больно многого, господин купец. Довольно этот Каин кровь пашу сосал. За каждую малость штрафами мучил, в гнилых камерах морил, детей наших, как щенят, гноил… Ладно же, и он получит по заслугам. Не мешай, купец… Докуда и тебе самому малую толику не влетело.

– Верно, верно, поостерегись, купец! – загудело в разных направлениях в толпе.

– Мы ему, собаке, законные требования выставляли, – снова с особым жаром подхватил Кирюк, – мы у него фортки да вентиляции в сушильнях просили вделать да двери поплотнее

из камеры в камеру приладить, чтобы, значит, вредные пары из зараженных отделений в здоровые не проникали, а он что на это ответил? В полицию дал знать, что красовские мутят, мол, бунтуют… А мы, ей-ей, ни одним глазом ни против Царя, ни против власти. Только что жизни просим, только что по-людски жить хотим…

Сила задумался на мгновение. Потом по его лицу пробежала тень. Спокойные глаза почернели, в них отразилась буря, переживаемая душой.

А кругом толпа уже гудела снова:

– Что его слушать, братцы?..' Чего стоите? Бросай в воду и вся недолга!

– Не сметь! – пронесся, подобно громовому раскату, крик Строганова, и в одну минуту он кинулся к рабочим, вырвал из их рук жертву, в одну минуту сорвал веревку с мешка и выпустил из него насмерть перепуганного Бобрукова.

Брань, женские визги, крики и проклятия повисли в воздухе. Толпа грозно надвинулась к самому Силе. Сжатые кулаки, исковерканные злобой лица замелькали пред молодым человеком. Все эти люди напоминали теперь хищное чудовище, из пасти которого только что вырвали намеченную им жертву.

– Каин Каина отбил, один другого стоит… Все они на один лад. Все жилы наши тянут… – слышались полные бешенства и злобы крики и вопли.

– Ишь ты, заступник какой!.. Видно, сам с ним заодно. Вот и его бы в мешок да в воду… А ну-ка, братцы, обоих то сподручнее будет, а? Неужто все им спускать, окаянным?

Последняя фраза особенно тонким фальцетом зазвенела в воздухе… Это была уже не простая угроза. Это был вызов, брошенный толпе. И толпа приняла его. С суровыми, побледневшими лицами притиснулись передние ряды к Силе, стараясь, не глядя на него, подвинуться к нему как можно ближе.

Лика видела со своего места, как Строганов выпрямился на своем месте, скрестил свои могучие руки на груди и поднял голову. И никогда еще молодая девушка не видела такого лица у кроткого Силы. Что-то чужое и страшное было теперь в грозно сдвинутых бровях и плотно стиснутых губах молодого человека. Его глаза метали молнии и трудно было узнать в этих разом почерневших глазах прежний ясно-голубой взор Силы.

В двух шагах от него, впереди толпы находился Кирюк. Он стоял пред самым лицом Силы, исподлобья, косым взглядом поглядывая на пего. Так делает стойку над дичью охотничий пес.

Так длились минуты две, не больше. Толпа молчала, приготовляясь к чему-то страшному, роковому, что должно было совершиться сию же секунду.

Вся кровь отхлынула от сердца Лики, и бедная девушка едва держалась теперь на ногах. Если бы она могла бежать теперь на помощь к этому славному, доброму Силе, увести его как можно дальше отсюда, приказать разойтись этой страшной, жестокой толпе… Но эта самая толпа стиснула ее так сильно, что не давала возможности двинуться ни вперед, ни назад. И голос не повиновался ей, упав до шепота.

– Пустите! Пустите меня! – молила она соседей чуть слышным шепотом и вся трепетно рвалась вперед.

И словно молотом ударило ее по сердцу, когда она увидела рослые фигуры Дурдина и Кирюка в один миг подскочившие к Силе.

Не успела ахнуть молодая девушка, как сильным быстрым движением молодой Строганов отбросил от себя ближайшего из нападающих, который безжизненным комком покатился по скату прямо в реку. Дурдин при виде участи, постигшей товарища, отступил добровольно и спрятался за спиной главарей толпы; толпа мгновенно стихла.

Лика смотрела и не могла теперь оторвать глаза от рослой фигуры, неподвижным изваянием стоявшей на берегу. Он был один против озверевшей толпы этот Сила, и каждую минуту толпа могла уничтожить его, стереть с лица земли.

Лика ждала с секунды на секунду катастрофы, и её сердце сжималось от ужаса. И вдруг сильный голос внезапно нарушил тишину ночи.

– Смирно, ребята! Слушай, что я буду говорить, – ясно до малейшего звука донеслось до ушей молодой девушки. – Слушай, ребята! Я приехал к вам по приказанью отца расследовать ваши нужды, узнать поистине, в чем притесняют вас. Ваша правда, братцы, живется вам скверно. С вечера проверял я заводские книги, нарочно втихомолку приехал, чтобы, прежде чем с вами сговариваться, все досконально и точно узнать. Просмотрел я книги, говорю, и увидел, братцы, что ваше дело – дрянь. Сам знаю, и что натуживают вас через меру, и что штрафные платите тоже через край, и условия жизни у вас вредные. Фабрику переустроить надобно, и вентиляции, и двери, и все прочее. За малолетними особый надзор установить, не давать им работать во вредных камерах. Все это я отцу завтра же отпишу. Только, братцы, напрасно вы своим судом и расправой Бобрукова погубить хотели, Веревкина и Маркулова подпалили. За это цело вас по голове не погладят.

– Именно не погладят, Сила Романович… Я этого не прощу… я исправнику жаловаться буду… становому… губернатору! – ввернул свое слово вынырнувший было из-за спины Строганова Бобруков.

– Ну, ты молчи, парень! Благодари, что так легко отделался! – грубо осадил его Строганов и, презрительно окинув глазами бестолково топчущегося пред его носом фигуру управляющего, снова заговорил с толпою: – а управителя я вам другого дам, братцы, потому этот не подойдет. Вместо того, чтобы наши интересы соблюсти, он, видишь ты, муть напустил, в губернский город дал знать, что у нас беспорядки, бунтуют. Хорошо еще, что я станового встретил и сказал, чтобы не трудился сюда солдат присылать, а то бы… Управителя я вам другого дам, говорю, и вы мне сами поможете выбрать из своей среды его, ребята!

– Поможем, Сила Романович, ваше степенство! – загалдели со всех сторон фабричные.

Лика слушала и не верила своим глазам. Та ли это толпа? Те ли это люди, которые несколько минут тому назад готовы были растерзать этого самого человека, с самым неподдельным смирением выслушивают его теперь? Какою же могучею силой обладает этот по виду кроткий и тихий богатырь Сила, чтобы подчинить этого жаждущего крови зверя?

А, между тем, точно позабыв о том ужасе, которому он мог подвергнуться несколько минут тому назад, Строганов уже самым мирным образом разговаривал теперь с толпою.

Теперь все головы были обнажены. Фабричные, то и дело, неловко переступали с ноги на ногу, вертя шапки в руках.

Кирюк, с видом мокрой собаки, отряхивался на берегу, с трудом вылезши на берег по крутому скату. Многие из фабричных уже тешились на его счет.

Русский мужик добродушен и не злобен и того же требует от других. Строганов знал эту особенность русского человека и сам старался по мере сил и возможности забыть только что происшедшее. Поэтому он был очень рад, когда кто-то крикнул из толпы, дав иное направление разговору:

– А кого ты нам дашь в управители, хозяин?

Этим вопросом толпа давала понять Силе, что бесспорно подчинялась его авторитету.

– А кого сами выберете, братцы, тому и быть! – веселым откликом раздался ответ Силы.

Толпа загудела, зашумела снова. Слышались имена более или менее видных фабричных, «вожаков», имевших бесспорное влияние на остальных.

Должность управляющего спичечной фабрики Строгановых не требовала ни особенных хитрых знаний, ни интеллигентности. Простой фабричный, хорошо ознакомленный с делом, мог легко справиться с подобным назначением. Но, тем не менее, трудно было остановиться на каком-либо выборе. Назвать одного – значило бы обидеть остальных.

Шапки усиленно мялись вспотевшими руками. На лицах выражалось самое красноречивое смущение. И вдруг звонкий тенор Герасима Безрукого выкрикнул через головы:

– Брауна нам в управители. Дай нам управителем Брауна, хозяин! Он много больше всех нас знает, в заграницах был и все прочее, понатерся. Вот его нам и дай!

– Слышите, Браун? – крикнул, в свою очередь Сила, – вас выбирают. Здесь вы, что ли? Выходите вперед!

Прошла минута напряженного молчания, показавшаяся бесконечной всем этим людям. Наконец, высокая фигура с черной бородою и со спущенными на самые глаза волосами раздвинула передние ряды и очутилась пред Силой.

– Слишком большая честь, хозяин! – произнес Браун, выступая вперед.

– Вас просят, Браун.

Немец поклонился. Если бы Лика не была занята образом Силы, с которого не спускала теперь благодарного взгляда, от неё не ускользнул бы, при начинающем брезжить рассвете, торжествующий огонь в острых глазах машиниста. Но Лика была вся сосредоточена на словах Силы, который теперь ласково и мягко говорил:

– Грешно отказываться, Браун, в такое время. Лучшие отзывы о вас фабричных говорят уже за наш выбор. Вы поможете нам с отцом… Ведь, вы, как я слышал, работали на лучших фабриках за границей.

– В Пруссии и в Вене, хозяин.

– Ну, вот видите. Значит, спичечное дело вам знакомо досконально… Примите же выбор и помогите нам в полном преобразовании фабрики.

– Слушаю, хозяин! – покорно склонив свою кудлатую голову, произнес машинист.

– Спасибо вам, Браун, большое русское спасибо, – проговорил Строганов, – век не забуду, разодолжили, родной! – и Сила протянул свою широкую ладонь Брауну.

Тот крепко пожал ее своей небольшой сильной рукой.

– Качать, братцы, нового управляющего, качать! – загалдели снова притихшие было фабричные.

И, прежде чем кто-либо ожидал этого, высокая фигура Брауна заколыхалась в воздухе на руках рабочих.

Лика воспользовалась сумятицей и выскочила из толпы.

V

Раннее утро забрезжило над лесом. Солнце еще не вставало, но красавица заря охватила полнеба своим розовым пожаром. Птицы уже проснулись и беспокойно шуршали в кустах, коротким чириканьем приветствуя утро.

Лика шла по влажной от росы траве, вся полная мыслью о только что происшедшем. Эта ночь переродила ее, дав новое направление мыслям молодой девушки. Сегодня воочию ей пришлось убедиться в том, как низко в нравственном и умственном уровне стоит еще русская крестьянская толпа, как дико проявляются в ней страсти и как необходимо поднять нравственный и духовный рост этих лишенных культуры дикарей. Острая жалость, горячая привязанность и какое-то почти материнское чувство к этим нецивилизованным взрослым детям, сильно нуждающимся в прочном нравственном руководстве, наполнили душу молодой девушки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.